© 2013 г.

Е.А. СУСЛОПАРОВА

АРТУР КУК – ГЕРОЙ ЗАБАСТОВКИ АНГЛИЙСКИХ ШАХТЕРОВ 1926 года

С развитием индустриального общества, резким увеличением количества промышленных рабочих, на труде которых в значительной мере основывалось экономическое процветание страны, британские профсоюзы обрели в XX в. мощь, несопоставимую с той, которой обладали в XIX в., и во многом утратили на пороге XXI в. с переходом к информационной экономике. Имена профсоюзных “вождей” в минувшем столетии нередко оказывались на первых полосах газет, по своей популярности и частоте упоминания в средствах массовой информации затмевая десятки современных им министров и политиков. Пожалуй, пиком в истории английского профсоюзного движения явились 40–70-е годы, когда тред-юнионы, как никогда ранее, получили возможность “наслаждаться” своей силой, могуществом и вхождением в “коридоры власти”. Среди профсоюзных функционеров, оставивших яркий след в британской политической жизни и в свое время доставивших немало проблем правительству, можно назвать Х. Скэнлона и Дж. Джоунса, благодаря внешнему сходству прозванных британской прессой в 60–70-е годы XX в. “ужасными близнецами” и порой откровенно пытавшихся навязывать политической элите свои “правила игры”, А. Скаржилла, рьяного антагониста М. Тэтчер в середине 80-х годов.

Если же обратиться к более раннему периоду, то одним из первых в этом списке профсоюзных “вождей” следует поставить Артура Кука, легендарного секретаря профсоюза шахтеров, оказавшегося в эпицентре сильнейшего за всю британскую историю промышленного конфликта 1926 г. Гадать задним числом, как обернулись бы события, если бы у руля одного из крупнейших тред-юнионов Великобритании в тот период оказался человек менее эмоциональный и более рассудительный, занятие весьма неблагодарное. Без всякого сомнения, Кук поднялся на национальную промышленную авансцену в непростые для страны годы, связанные с утратой былой индустриальной гегемонии, и в определенной мере явился символом отчаянного протеста горняков в 1926 г. против ухудшавшихся условий жизни. Он никогда не был “типичным” профсоюзным функционером. Можно согласиться с мнением лейбориста Г. Макаллистера, отмечавшего еще в 30-е годы, что Кук был, пожалуй, “самой необычайной личностью, когда-либо добивавшейся ответственного поста”¹.

С одной стороны, выступления Кука в шахтерских районах собирали огромные толпы преданных сторонников, готовых верить каждому слову оратора. Рассказывая о нем, свидетель событий, социалист Ф. Брокуэй, позднее отмечал: “Люди любили его, они ощущали его абсолютную искренность, а его слова уверенно и убедительно передава-

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *McAllister G. James Maxton. The Portrait of a Rebel. London, 1935, p. 172.*

ли их чаяния”. Кук никогда не стремился дистанцироваться от рядовой рабочей массы, которую он представлял, писал Брокуэй. Он никогда не отдалялся от них. Он мыслил, как они, говорил, как они, имел их привычки и в полной мере разделял их чувство товарищества и братства². Еще один современник следующим образом характеризовал секретаря профсоюза горняков: “Агитатор невероятного масштаба, воплощение пропагандиста, со всей страстью передающего ощущение несправедливости, до глубины сердца знакомое многим поколениям шахтеров”³.

С другой стороны, известная активистка Фабианского общества Б. Вебб в своих дневниках называла Кука не иначе как “вдохновенным безумцем”⁴. Историки и современники упрекали его в полном неумении вести переговоры, в том, что в ущерб рассудку он слишком часто шел на поводу у своих эмоций. Например, лидер лейбористской партии Р. Макдональд, обращаясь к Куку после поражения всеобщей стачки 1926 г., и за глаза называя его “уличным хулиганом”, открыто заявлял о том, что не знал ни одного столь некомпетентного человека⁵. Более того, некоторые профсоюзные функционеры, например Б. Тиллет, в 20-е годы откровенно возлагали вину за несчастья в угольной промышленности именно на Кука⁶. Что касается правительства и шахтовладельцев, то в литературе признается, что руководитель горняков навсегда остался для них самой ненавистной фигурой⁷.

Следует отметить, что в отечественной историографии, несмотря на немалое внимание, уделяемое еще в советское время всеобщей стачке 1926 г.⁸, необычная и противоречивая личность секретаря профсоюза шахтеров, как правило, оставалась в тени на фоне драматических событий. Что касается зарубежной литературы, то единственная на сегодняшний день подробная биография А. Кука, принадлежащая перу британского историка П. Дэвиса, была издана в 1987 г. в серии “Жизнь левых”⁹.

В данном очерке хотелось бы попытаться ответить на вопросы, что же в действительности представлял собой секретарь профсоюза горняков 20-х годов, насколько правомерно списывать ответственность за стремительный рост “боевых” настроений в шахтерских районах, приведших к всеобщей стачке 1926 г., именно на него, какую эволюцию на протяжении недолгой, но насыщенной событиями жизни претерпели его взгляды.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Артур Кук родился 22 ноября 1883 г. в семье баптистов в деревне Вуки в графстве Сомерсет и был первым из 10 детей. Отец, бывший солдат, после завершения службы занялся садоводческим бизнесом и поселился в деревне Чеддер. До 12 лет Артур жил с родителями, однако, в 1896 г. из-за проблем с отцом он фактически переехал к соседскому фермеру, также баптисту и к тому же радикалу по своим взглядам, где стал

² *Brockway F.* Inside the Left. Thirty Years of Platform, Press, Prison and Parliament. London, 1947, p. 194.

³ *Williams F.* Magnificent Journey. The Rise of Trade Unions. London, 1954, p. 368.

⁴ *Webb B.* Diaries, 1924–1932. London, 1956, p. 116.

⁵ *Kirkwood D.* My Life of Revolt. London, 1935, p. 231; *Marquand D.* Ramsay Macdonald. London, 1977, p. 448.

⁶ См., например: *Daily Herald*, 2.II.1928.

⁷ *Arnot P.* The Miners: Years of Struggle. A History of the Miners' Federation of Great Britain (from 1910 Onwards). London, 1953, p. 541.

⁸ Наиболее подробной работой и поныне остается: *Гурович П.В.* Всеобщая стачка в Англии в 1926 г. М., 1959. См. также: *Майский И.М.* Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии. М., 1926; *Лепешинская А.В.* Английская всеобщая забастовка 1926 г. (опыт исследования). М. – Л., 1930. Среди последних публикаций: *Прокопов А.Ю.* Коммунистический интернационал, английские коммунисты и всеобщая стачка в Великобритании 1926 г. – Россия и Британия. Вып. 5. На путях к взаимопониманию. М., 2010.

⁹ *Davies P. A.J.* Cook. Manchester, 1987.

помогать ему вести хозяйство. В отрывках своей автобиографии, опубликованных в 1926 г., Кук вспоминал, что в новом доме была хорошая библиотека – книги У. Шекспира, Дж. Раскина, Р. Кобдена, Дж. Брайта¹⁰. Впрочем, как отмечает биограф П. Дэвис, скорее религия, нежели политика, являлась определяющим началом в его юношеские годы. Увлечение религией было столь велико, что в 17 лет Куку было даже предложено место в баптистском колледже с тем, чтобы со временем принять духовный сан. Тем не менее, Артур предпочел покинуть Сомерсет и самостоятельно отправился в Южный Уэльс, где вскоре нашел работу на шахте в небольшом городе Порт. Однако религия по-прежнему играла ключевую роль в его мировоззрении. Кук регулярно посещал местную баптистскую церковь и постепенно сам стал в свободное время преподавать в церковной воскресной школе и даже проводить службу. В этот же период он вступил в шахтерскую Федерацию Южного Уэльса и в 1906 г. женился на Энни Эдвардс, дочери местного домовладельца¹¹.

В литературе высказывается предположение, что впервые очевидный интерес к политике А. Кук проявил в том же 1906 г. В конце 1905 г. в городе Порт было основано местное отделение Независимой рабочей партии (НРП), созданной К. Гарди в 1893 г. и с начала XX в. входившей в состав лейбористской партии¹². Кук познакомился с активистом НРП У. Трейнером, вскоре вступил в НРП и постепенно стал одним из ее самых заметных районных пропагандистов. Подобная политическая деятельность не вызвала одобрения со стороны баптистской церкви, и Кук был вынужден сделать выбор в пользу рабочего движения. Наряду с шахтерской профессией, он начал карьеру профсоюзного активиста, являясь поочередно секретарем, казначеем и председателем отделения шахтерского тред-юниона в Порте¹³.

Имеются также свидетельства, что в предвоенные годы Кук заметно увлекся синдикализмом – течением, по сути отвергавшим политическую парламентскую борьбу, призывавшим к усилению власти профсоюзов (по-французски – синдикатов) и активно пропагандировавшим так называемую тактику “прямого действия” – стачки, забастовки с целью отстаивания рабочих интересов. Активным проводником этих идей в Южном Уэльсе в тот период явился Н. Эблетт, выпускник Раскин-колледжа, с которым Кук познакомился и поддерживал достаточно тесные отношения¹⁴. В 1911 г. Кук выиграл двухгодичную стипендию для обучения в Центральном рабочем колледже в Лондоне, основанном несколькими годами ранее для подготовки профсоюзных пропагандистов и вместе с Эблеттом принял участие в разработке известного документа шахтерской федерации Южного Уэльса под названием “Следующий шаг горняков”, несущего на себе очевидную печать синдикалистских воззрений. Позднее, в 1926 г., Кук отмечал, что по-прежнему готов был подписаться под многими идеями, высказанными в этом памфлете¹⁵. В дальнейшем он был активно вовлечен в создание местной синдикалистской организации – Промышленной демократической лиги, и даже назначен секретарем ее отделения в Порте. Более того, предвоенное увлечение синдикализмом привело к тому, что в 1913 г. он покинул ряды НРП, которая, являясь частью лейбористской партии, во главу угла своей пропаганды ставила, прежде всего, политическую парламентскую борьбу¹⁶.

Будучи пацифистом, Кук не приветствовал начало Первой мировой войны. На страницах одной из его коротких биографий приводится следующее характерное высказывание героя: “Как рабочего меня больше заботят интересы моего класса, нежели нации.

¹⁰ A.J. Cook Tells His Own Story. – www.whatnextjournal.co.uk/pages/history/cook.html

¹¹ Davies P. Op. cit., p. 1–5; Dictionary of Labour Biography. London, 2001, p. 131.

¹² Лейбористская партия Великобритании была создана в 1900 г., но до 1906 г. носила название – Комитет рабочего представительства.

¹³ Davies P. Op. cit., p. 7–8.

¹⁴ Ibid., p. 11–12.

¹⁵ Dictionary of Labour Biography, p. 131; A.J. Cook Tells His Own Story.

¹⁶ Davies P. Op. cit., p. 18–19.

Война не в интересах этого класса, отсюда проистекает мой протест¹⁷. Уже к началу 1917 г. затянувшиеся боевые действия, всеобщая воинская повинность и тяжелые условия труда способствовали заметному росту антивоенных настроений на шахтах Южного Уэльса. Масла в огонь подлили и революционные события в России. На митинге в 1917 г. Кук откровенно говорил: “Россия сделала свой выбор. Теперь дело за Великобританией... добиться мира и выйти из войны”. К январю 1918 г. его речи стали еще более жесткими. “Неужели мы позволим этой войне продолжаться?” – восклицал он на одной из антивоенных манифестаций. Правительство требует новых новобранцев. “Двух моих братьев заставили идти в армию, но я говорю: нет. Пусть меня расстреляют, нежели я пойду сражаться¹⁸”.

Неудивительно, что в этих условиях подобная антивоенная пропаганда Кука привлекала к себе внимание министерства внутренних дел. Оставляя без наказания этого отъявленного подстрекателя равносильно преступлению и чреватую революцией, сообщал один из офицеров полиции. Другой сотрудник правоохранительных органов в те годы в сердцах характеризовал Кука не иначе как “опаснейшего агитатора” во всем регионе¹⁹. В итоге в конце войны Кук был даже на несколько месяцев заключен под стражу. Находясь за решеткой, он увлекся чтением работ по истории французской революции²⁰, однако это скорее лишь подогрело его “боевой” настрой, а среди сторонников окружило ореолом героя, готового сесть в тюрьму за свои убеждения.

ВЗЛЕТ ПРОФСОЮЗНОЙ КАРЬЕРЫ АРТУРА КУКА

Первая мировая война повлекла за собой серьезные изменения в развитии английской угольной промышленности. Значение угля в экономике воюющей страны в те годы было огромно. Его добыча не должна была прерываться ни на минуту. В результате к моменту окончания боевых действий в 1918 г. доходы шахтеров были относительно стабильны, что стало возможным за счет введения военного госконтроля и соответственно государственных субсидий для всей отрасли. Сдавать завоеванные рубежи после завершения войны шахтеры не собирались и склонны были рассчитывать на еще большие государственные уступки. В начале 1919 г. национальная Федерация горняков представила правительству Д. Ллойд Джорджа свои требования. Они предполагали 30% увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и национализацию шахт. В противном случае горняки угрожали начать забастовку. Коалиционный кабинет министров, включавший консерваторов и часть либеральной партии, для того, чтобы хотя бы на время избежать обострения конфликта, в ответ принял решение о назначении специальной королевской комиссии под председательством судьи Сэнки для изучения положения дел в отрасли. На паритетных началах туда вошли как представители работодателей, так и Федерации горняков²¹.

В июне 1919 г. комиссия Сэнки подготовила свой итоговый доклад. Все шесть входивших в нее представителей шахтеров, а также председатель высказались в пользу национализации угольной отрасли. Однако углепромышленники, участвовавшие в работе комиссии, эту идею не поддержали²². В результате правительство не изъявило намерения национализировать угольную промышленность, что явилось для горняков большим разочарованием. В подобной обстановке настроения в отрасли по-прежнему оставались “боевыми”. Неудивительно, что Кук в эти годы делает заметные успехи в продвижении по карьерной лестнице. В 1919 г. он был назначен сотрудником районного отделения

¹⁷ Dictionary of Labour Biography, p. 132.

¹⁸ Davies P. Op. cit., p. 28, 30.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ A.J. Cook Tells His Own Story.

²¹ Arnot P. Op. cit., p. 184–189; Rayner R. The Story of Trade Unionism. From the Combination Acts to the General Strike. London, 1929, p. 186–187.

²² Daily Herald, 23.VI.1919.

Федерации горняков Южного Уэльса в городе Ронта, насчитывавшей более 40 тыс. членов. Таким образом, это положило конец почти 20-летнему периоду его работы на шахте. Отныне Кук стал “белым воротничком”, профсоюзным чиновником, в обязанности которого входили рутинная административная работа и ведение переговоров с работодателями. Одновременно он получил доступ на ежегодные конференции национальной Федерации шахтеров, а в 1921 г. был избран в ее исполком²³.

Летом 1920 г. состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Великобритании. Уже вскоре Кук вступил в эту организацию. Впрочем, как справедливо отмечает П. Дэвис, его коммунистические взгляды были весьма своеобразны и уходили корнями в глубокую веру в общество, основанное на всеобщем равенстве. С одной стороны, Кук принимал экономическую теорию К. Маркса и восхищался многими реформами Советской России. С другой, в значительной мере он по-прежнему оставался синдикалистом, верящим в безграничный потенциал профсоюзов, и не разделял идею жестко централизованной политической партии как авангарда всего рабочего движения. Через год Кук официально покинул ряды коммунистов, однако на протяжении последующих лет поддерживал тесные дружеские контакты со многими активистами²⁴.

В феврале 1921 г. была обнародована информация о том, что в ближайшее время госконтроль над угольной отраслью будет отменен. Для шахтеров отмена правительственных гарантий, писала в те дни лейбористская газета “Дейли геральд”, означала закрытие многих шахт, а также автоматическое снижение заработной платы²⁵. Ситуация на копях Южного Уэльса была драматичной. В условиях послевоенной депрессии и падения экспортных цен на уголь значительная часть местных шахт работала не в полную мощность, а к марту 1921 г. половина горняков Ронды уже была без работы. Кук стал одним из вдохновителей борьбы шахтеров Южного Уэльса против отмены госконтроля. Более того, как и ряд других руководителей движения горняков, он понимал, что успех, если и может быть достигнут, то только за счет единства и сплоченности действий. В Ронде Кук предпринял попытки склонить местные отделения профсоюзов железнодорожников и транспортников к поддержке шахтеров²⁶. Аналогичные переговоры прошли и на национальном уровне. В итоге все три тред-юниона приняли решение начать 15 апреля 1921 г. совместную забастовку. Однако буквально в последний момент на основании незаслуженного предлога выступление солидарности было сорвано. Этот день несомненно стал стачки протеста Тройственного союза шахтеров, транспортников и железнодорожников получил в английской истории название “черная пятница”. Впоследствии Кук отмечал, что событие 1921 г. привело на время к “деморализации” всего британского рабочего движения²⁷.

В этих условиях он все активнее начинает пропагандировать скорейшую национализацию угольной отрасли. Так, например, в июне 1921 г., по сообщению газеты “Таймс”, Кук громогласно заявил, что “достичь мира в горнодобывающей отрасли при сохранении ее в руках частных предпринимателей – нереально”²⁸. Впрочем, ни коалиционное правительство Д. Ллойд Джорджа, ни последующие консервативные кабинеты Э. Бонар Лоу и С. Болдуина (1922–1923 гг.) со всей очевидностью не намерены были даже думать о подобной реформе. Политической партией, разделявшей в те годы идею национализации, являлись лейбористы. На фоне послевоенного роста профсоюзов, в массе своей входивших в их ряды, расширения избирательного права в значительной мере за счет малоимущего населения, роста популярности коллективистских лозунгов, лейбористы в начале 20-х годов значительно усилили свои позиции. В результате

²³ *Davies P.* Op. cit., p. 37–39; Dictionary of Labour Biography, p. 132.

²⁴ *Davies P.* Op. cit., p. 43–44, 56–58.

²⁵ Daily Herald, 18.II.1921.

²⁶ *Davies P.* Op. cit., p. 48, 50–51.

²⁷ Daily Herald, 16.IV.1921; *Cook A.* The Nine Days. The Story of the General Strike told by the Miners' Secretary. London, 1926, p. 5.

²⁸ Times, 20.VI.1921.

в январе 1924 г. перед партией, возглавляемой Р. Макдональдом, впервые в истории открылась возможность сформировать собственное правительство.

Однако лейбористы, продержавшиеся у власти всего девять месяцев, не имея парламентского большинства и будучи полностью зависимыми от поддержки депутатов от либеральной партии, не решились на серьезные финансовые и экономические реформы, сформулированные еще в их первой послевоенной программе 1918 г. и не приступили к реорганизации угольной отрасли. Тем не менее 1924 г. явился, пожалуй, важнейшим рубежом в профсоюзной карьере Кука. В связи с тем, что генеральный секретарь Федерации шахтеров Ф. Ходжес был избран членом парламента, его место стало вакантным. В итоге Кук был выдвинут одним из восьми претендентов на освободившийся пост и одержал победу. Характерно, что все его соперники придерживались более умеренных взглядов²⁹. На этом фоне избрание откровенной левой “воинствующей” фигуры в качестве секретаря профсоюза горняков весной 1924 г. красноречиво передает настроения в шахтерских районах середины 20-х годов.

Не последнюю роль в успехе Кука в борьбе за пост, по свидетельству исследователей, сыграла поддержка пустившего глубокие корни в Федерации шахтеров так называемого “движения меньшинства”, чья национальная учредительная конференция состоялась вскоре, в августе 1924 г. Активное участие в создании этого движения приняли коммунисты, в частности Г. Поллитт, избранный его секретарем. Основные идеи “движения меньшинства” – ниспровержение капитализма, революционная классовая борьба, отказ от сотрудничества с предпринимателями – в значительной степени были созвучны коммунистической пропаганде³⁰. Таким образом, несмотря на формальный уход Кука из компартии, бывшие союзники нашли возможность поддержать “своего” человека. В итоге, как пишет П. Дэвис, в возрасте 40 лет Кук стал у руля крупнейшего и самого влиятельного тред-юниона Великобритании, насчитывавшего около 800 тыс. членов. Заслуживает внимания и тот факт, что на тот момент он оказался самым молодым из крупных чиновников Федерации шахтеров³¹.

Реакция на эту новость в Британском конгрессе тред-юнионов (БКТ), верховной профсоюзной организации страны, была негативной. Ее известный деятель У. Ситрин позднее вспоминал слова тогдашнего секретаря БКТ Ф. Бромлея: “Вы видели, кого они избрали секретарем Федерации шахтеров? Кука, буйного неистового коммуниста. Теперь горнякам нужно готовиться к плохим временам”³². Со своей стороны, в интервью лейбористской газете “Дейли геральд” после официального объявления о своем назначении, Кук подчеркнул, что является марксистом, а также заявил, что своей главной целью отныне ставит “устранение частного бизнеса из угольной индустрии”³³. Позже, выступая с майским обращением к рабочим на страницах той же газеты, он откровенно провозгласил: “Впереди нас ждут тяжелые дни, когда нам будет необходимо проявить солидарность, верность и мужество”³⁴.

ПЕРИОД НАДЕЖД. “КРАСНАЯ ПЯТНИЦА”

Заняв должность Генерального секретаря национальной Федерации шахтеров Кук предпринял масштабную пропагандистскую кампанию, главной целью которой было поднятие “боевого” духа среди рядовых членов. Он начал неутомимо разъезжать по стране, выступая порой на нескольких митингах ежедневно. Один из современников, относившийся к Куку с симпатией, не без юмора написал, вспоминая эти годы: “А. Кук никогда точно не знал, что он скажет, прежде чем подняться на трибуну, что он говорил,

²⁹ Davies P. Op. cit., p. 64–66.

³⁰ Sewell R. In the Cause of Labour. History of British Trade Unionism. London, 2003, p. 181.

³¹ Davies P. Op. cit., p. 67, 71.

³² Citrine W. Men and Work: An Autobiography. London, 1964, p. 76–77.

³³ Daily Herald, 11.IV.1924.

³⁴ Daily Herald, 5.V.1924.

находясь на трибуне, и, спустившись с трибуны, что в итоге он сказал”³⁵. В этой утрированной характеристике, возможно, есть определенная доля истины. Оратор за редким исключением никогда не пользовался подготовленными записями. “Он приезжал на митинг, он ощущал атмосферу этого митинга, настроения людей, и говорил с ними языком простым и непритязательным”, – вспоминал один из очевидцев³⁶.

В чем же была загадка того, что Кук добивался неизменного внимания и успеха у аудитории, собирал толпы слушателей, которым позавидовал бы любой публичный политик? Его друг и коллега А. Хорнер, часто путешествовавший вместе с ним, писал позднее: “Я мог произносить хорошую, логически выстроенную речь, и публика слушала меня тихо, но без особого энтузиазма. Затем Кук поднимался на трибуну... и аудитория становилась буквально наэлектризованной... Долгое время я пытался разгадать эту загадку, и однажды понял, в чем дело. Я обращался к участникам митинга. Кук говорил от их имени. Он выражал мысли аудитории, я же пытался ее убеждать. Он был... олицетворением ее гнева... это была своего рода демагогическая притягательность, которой обладали диктаторы, опасная в руках беспринципного человека, но Кук был абсолютно честен и бескорыстен”³⁷. Он вещал с трибуны подобно проповеднику, отмечал в своих мемуарах другой свидетель событий³⁸. Сам оратор признавался, что он в своих выступлениях озвучивал то, что рядовой шахтер побоялся бы сказать из-за страха преследования и увольнения³⁹. Кук подобного страха не испытывал. Как писал его современник П. Арнот, он “передавал настроения шахтеров, был голосом, таившимся под землей на протяжении поколений. В результате уже скоро горняки доверяли ему, как никому из его предшественников”⁴⁰. С другой стороны, справедливости ради нужно отметить мнение некоторых менее восторженных комментаторов о том, что Кук все же апеллировал не столько к логике и рассудку, сколько к эмоциям слушавших его людей, своими не прекращавшимися выступлениями будоражил и без того неспокойные шахтерские районы, практически не оставляя самому себе времени подумать над тем, что он делает и куда этот процесс может в итоге привести⁴¹.

В апреле 1925 г. консервативное правительство С. Болдуина провело финансовую реформу, вернувшись к “золотому стандарту” фунта стерлингов на уровне его довоенного паритета с долларом. Фактически стоимость английской валюты оказалась искусственно завышена. Это отвечало интересам английских финансовых кругов, однако серьезно ударило по конкурентоспособности британского угля на мировых рынках. На протяжении первой половины 1925 г. экспорт угля неуклонно сокращался с 4 млн. 366 тыс. т в январе до 3 млн. 733 тыс. т в июне. Уже к апрелю 1925 г. более 60% шахт страны работало в убыток, а с января по июль того же года около 500 было вынуждено остановиться⁴². В этих условиях наступление на уровень жизни горняков казалось практически неизбежным.

В середине 1925 г. шахтовладельцы объявили о своем намерении отказаться от фиксированного минимума заработной платы и перейти к менее выгодной для рабочих порайонной системе заключения коллективного договора, взамен общенациональной. В противном случае предприниматели угрожали объявить с 1 августа локаут. Однако рабочие были настроены решительно. Генеральный совет БКТ образовал специальный Промышленный комитет под председательством А. Свейлса, которому предстояло заняться проблемами, называемыми в угольной отрасли. В его состав были включены

³⁵ *Brockway R. Op. cit., p. 194.*

³⁶ *Davies P. Op. cit., p. 75.*

³⁷ *Horner A. Incurable Rebel. London, 1960, p. 72.*

³⁸ *Kirkwood D. Op. cit., p. 231.*

³⁹ *Davies P. Op. cit., p. 75.*

⁴⁰ *Arnot P. Op. cit., p. 351.*

⁴¹ *Citrine W. Op. cit., p. 210; Williams F. Op. cit., p. 368.*

⁴² *The Mining Situation. An Immediate Programme. London, 1928, p. 7–8; Marquand D. Op. cit., p. 422.*

Д. Бромлей, Б. Тиллет, Дж. Хикс, У. Ситрин и ряд других членов Генсовета⁴³. Позиция Кука была категоричной. 30 июля 1925 г. лейбористская газета “Дейли геральд” опубликовала его известный лозунг: “Ни цента меньше, ни секунды больше!”, означавший, что шахтеры не готовы ни к малейшему снижению зарплаты, ни к увеличению, в качестве альтернативы, продолжительности рабочего дня⁴⁴. Более того, к восстановленному после “черной пятницы” в 1925 г. Тройственному союзу горняков, железнодорожников и транспортников примкнули машиностроители. В этих условиях Генсовет БКТ был вынужден поддержать шахтеров и 30 июля по согласованию с другими профсоюзами наложил эмбарго на перевозку угля⁴⁵.

В итоге в накалившееся до предела летом 1925 г. противостояние, грозившее парализовать британское хозяйство, было вынуждено вмешаться правительство Болдуина. 31 июля оно официально объявило о предоставлении субсидий угольной отрасли на девять месяцев до 1 мая 1926 г. в качестве альтернативы сокращению заработной платы. На этот раз знаменательный для шахтеров день получил название “красная пятница”⁴⁶. Настроение Кука в те дни ярко характеризуют слова, сказанные им вскоре на одном из митингов в Мэнсфилде: “Впереди нас ждет... величайшая борьба... и мы должны быть готовы. Пока мы выиграли лишь первый раунд”⁴⁷. Позднее он писал, что “красная пятница” наполнила сердце каждого британского рабочего⁴⁸. В действительности это была временная победа. Любопытно, что ряд современников, например бывший премьер Д. Ллойд Джордж, открыто называл “красную пятницу” ошибкой Болдуина, поскольку правительство согласилось предоставить субсидии под очевидной угрозой всеобщей стачки, не поставив обязательным условием снятие в дальнейшем подобной угрозы⁴⁹. Несмотря на то, что сам Болдуин был не согласен с этим обвинением⁵⁰, действия кабинета министров вызвали неоднозначную реакцию, а порой и явное недовольство со стороны шахтовладельцев и части консервативной политической элиты. Не случайно, спустя несколько дней после “красной пятницы”, один из членов консервативной партии гневно вопрошал: “Кто все-таки управляет Англией, парламент, правительство или горстка профсоюзных лидеров?”⁵¹

Что касается тред-юнионов, то, наряду с Куком, многими профсоюзными деятелями в те дни победа трактовалась как бесспорный триумф солидарности рабочих – надежного пути дальнейшего решения подобных конфликтов. На страницах лейбористской прессы появились оптимистичные высказывания относительно “возможности новых методов промышленного действия”. “Дейли геральд” 1 августа 1925 г. с восторгом писала о “красной пятнице” как самой крупной победе рабочего движения за всю историю⁵². На очередном конгрессе тред-юнионов, проходившем в сентябре 1925 г. в Скарборо, в председателем обращении было торжественно заявлено, что профсоюзы могут гордиться своими успехами, “те из нас, кому посчастливилось участвовать в достижении нашей победы, кто помог сплотить тред-юнионы в защиту горняков, пережили чудесное время, которое запомнится навсегда”. В аналогичном ключе было выдержано и выступление самого Кука на этом главном ежегодном профсоюзном мероприятии,

⁴³ Clegg H.A. A History of British Trade Unions since 1889. V. II. 1911–1933. Oxford, 1985, p. 390.

⁴⁴ Daily Herald, 30.VII.1925.

⁴⁵ Labour Magazine, 1925, v. IV, № 4, p. 168; Cole G.D.H. The History of the Labour Party from 1914. New York, 1969, p. 182.

⁴⁶ Daily Herald, 1.VIII.1925.

⁴⁷ Daily Herald, 24.VIII.1925.

⁴⁸ Cook A.J. Op. cit., p. 3.

⁴⁹ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons, v. 195, col. 83.

⁵⁰ См., например: Baldwin S. Our Inheritance. Speeches and Addresses. London, 1928, p. 213–214.

⁵¹ Williams F. Op. cit., p. 372.

⁵² Labour Magazine, 1925, v. IV, № 5, p. 195; Daily Herald, 1.VIII.1925.

призавшего к еще большему единству и сплоченности действий⁵³. Впоследствии Кук произнес крылатую фразу о том, что его теща каждую неделю откладывает про запас очередной кусок лососины, готовясь к новым классовым битвам⁵⁴.

Однако состояние эйфории было свойственно далеко не всем лейбористским и профсоюзным функционерам, осознававшим, что правительство лишь пытается “выиграть время”. Так, например, Э. Шинвелл, бывший министр угольной промышленности в первом лейбористском кабинете Макдональда, уже в августе 1925 г. определенно заявил о том, что вовсе не считает данный исход кризиса победой рабочих. Аналогичный скепсис со всей очевидностью прослеживался и в выступлениях ряда других известных фигур – будущего секретаря Генсовета конгресса тред-юнионов У. Ситрина, одного из руководителей лейбористской партии Дж. Клайнса⁵⁵. Работодатели и правительство были вынуждены уступить перед лицом силы, а не разумных доводов, едва ли что-то может быть опаснее появившейся у рабочих уверенности в том, что справедливости можно добиться только угрозой стачками, с нескрываемой тревогой говорил летом 1925 г. крупный профсоюзный функционер Дж. Томас⁵⁶.

Проблема состояла еще и в том, что, как писал П. Дэвис, все четыре стороны, имевшие отношение к конфликту – национальная Федерация шахтеров, шахтовладельцы, правительство и БКТ – ближайшие перспективы развития угольной промышленности оценивали по-разному. Если правительство и отчасти БКТ по крайней мере делали вид, что определенные надежды возлагают на созданную после “красной пятницы” королевскую комиссия Г. Сэмюэля для изучения положения дел в отрасли, то Кук был настроен весьма скептически. Его мнение красноречиво передают следующие слова: “Комиссии не решают сегодняшние проблемы. Они могут заседать сколько угодно, но при капиталистической системе урегулировать проблемы шахтеров не удастся”⁵⁷. Продолжая свои бесконечные поездки по шахтерским регионам, он все чаще употреблял термин “революция”. Впрочем, по свидетельству лейбористского журналиста и историка Ф. Уильямса, он едва ли в полной мере осознавал значение этого слова⁵⁸.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1926 г.

В марте 1926 г. комиссия Сэмюэля представила долгожданный доклад. Ею было отвергнуто лейбористское предложение о национализации отрасли, однако отмечена необходимость ее реорганизации. Тем не менее мероприятия по ее усовершенствованию требовали времени и тщательной разработки. Ближайшие же кардинальные меры, предложенные комиссией, включали в себя прекращение выплаты субсидий и снижение зарплаты шахтеров⁵⁹. Правительство Болдуина приняло доклад, но сообщило, что не готово заниматься какой-либо реорганизацией отрасли прежде, чем горняки и шахтовладельцы договорятся по вопросу о заработной плате⁶⁰. На этом фоне специально созванная 9 апреля 1926 г. конференция делегатов шахтеров во главе с председателем Федерации Г. Смитом жестко заявила, что профсоюз не намерен вести переговоры ни о снижении зарплаты, ни об увеличении продолжительности рабочего дня⁶¹.

⁵³ Report of Proceedings at the 57-th Annual Trades Union Congress. London, 1925, p. 67–68, 384–385.

⁵⁴ Thomas J. My Story. London, 1937, p. 105.

⁵⁵ Daily Herald, 4.VIII.1925; 28.IX.1925; Labour Magazine, 1925, v. IV, № 5, p. 198–199.

⁵⁶ Daily Herald, 17.VIII.1925.

⁵⁷ Davies P. Op. cit., p. 84, 88. См. аналогичное высказывание Кука: Daily Herald, 24.VIII.1925.

⁵⁸ Williams F. Op. cit., p. 374.

⁵⁹ Royal Commission of the Coal Industry (1925). Summary of Findings and Recommendations. – Arnot P. The General Strike May 1926: Its Origin and History. London, 1926, p. 96–101; Labour Magazine, 1926, v. V, № 1, p. 8–9.

⁶⁰ Davies P. Op. cit., p. 93.

⁶¹ Daily Herald, 10.IV.1926. См. также: Cook A.J. Op. cit., p. 6.

Тем не менее в рядах лейбористской партии и лидеров БКТ все еще сохранялась надежда на переговоры и возможность достижения компромисса на основе рекомендаций комиссии Сэмюэля. Об этом, например, 17 апреля говорил один из руководителей партии А. Гендерсон, выступая на рабочем митинге⁶². Любопытно, что, по свидетельству Т. Джонса, секретаря кабинета министров, А. Кук в те дни в частной беседе признавался ему, что отрасль находится в ужасном состоянии и шахтерам, возможно, придется в конечном счете смириться с некоторым снижением заработной платы. На официальном же уровне, как отмечал П. Дэвис, Кук в своих публичных выступлениях неизменно оставался верен так называемым “трем шахтерским принципам” – никакого снижения зарплаты, никакого увеличения рабочего дня, никакого отказа от общенациональной системы заключения коллективного договора⁶³.

В этой ситуации обстановка накалялась все больше, а переговоры с участием профсоюзов, правительства и предпринимателей не приносили ожидаемых результатов. Важно учитывать и то, что склонные к компромиссу профсоюзные чиновники, члены Генсовета, Дж. Томас, А. Пью, У. Ситрин, вызывали у Кука лишь резкую антипатию⁶⁴. Более благожелательный диалог с ними, возможно, в конечном счете, принес бы больше дивидендов Федерации, пишет его биограф, но для такого человека как Кук лицемерное заигрывание с коллегами было полностью исключено⁶⁵. Впрочем, судя по воспоминаниям современников, неприязнь была взаимной⁶⁶. На основании мемуаров профсоюзного функционера Дж. Томаса складывается впечатление, что последний относился к Куку скептически и с некоторой даже долей иронии. Однако Томас не отрицал, что их отношения были столь напряженными, что однажды спор перешел в настоящую драку⁶⁷.

В итоге проходившая с 29 апреля по 1 мая 1926 г. конференция исполкомов профсоюзов, на которой с изложением позиции шахтеров выступил Кук, приняла в последний день заседания принципиальное решение о начале общенациональной забастовки. С одной стороны, настроения, имевшие место среди участников мероприятия, красноречиво передают слова Генерального секретаря тред-юниона транспортных и неквалифицированных рабочих Э. Бевина о том, что профсоюзы полностью готовы к этому шагу, чтобы не допустить обращения с шахтерами как с рабами⁶⁸. С другой, об истинном ощущении многих руководителей БКТ свидетельствует запись секретаря Генсовета У. Ситрина, сделанная им 2 мая в своем дневнике: “Это действительно выглядит так, будто всеобщая стачка необходима, чтобы спасти репутацию господина Кука... избрание этого глупца в качестве секретаря профсоюза горняков выглядит чуть ли не самым пагубным событием в истории тред-юнионистского движения. Но главный преступник, однако, правительство”⁶⁹.

В тот же день газета “Обзервер” констатировала: “Растущая тень опускалась над нацией”⁷⁰. 3 мая, буквально за несколько часов до начала забастовки, в Палате общин прошли известные дебаты, в ходе которых кабинет министров во главе с Болдуином возложил всю вину за надвигающийся конфликт на тред-юнионы. Лейбористская же партия и профсоюзное руководство, представленное в парламенте, настаивали на невозможности продолжать мирные переговоры с правительством и шахтовладельцами перед лицом локаута, но заверили политический истеблишмент в своей абсолютной благонадежности и рассудительности⁷¹. Однако это едва ли могло изменить отношение

⁶² Daily Herald, 19.IV.1926.

⁶³ Jones T. Whitehall Diary, v. II. 1926–1930. London, 1969, p. 16; Davies P. Op. cit., p. 94.

⁶⁴ См., например: Cook A.J. Op. cit., p. 3, 7.

⁶⁵ Davies P. Op. cit., p. 90.

⁶⁶ Jones T. Op. cit., p. 50–51.

⁶⁷ Thomas J. Op. cit., p. 96.

⁶⁸ Daily Herald, 3.V.1926.

⁶⁹ Цит. по: Marquand D. Op. cit., p. 435–436.

⁷⁰ Observer, 2.V.1926.

⁷¹ См., например, выступления С. Болдуина, Р. Макдональда, Дж. Томаса: Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons, v. 195, col. 57–82, 104–116.

правлящей элиты и промышленников к секретарю Федерации шахтеров, чье имя в предыдущие дни преподносилось на страницах оппозиционной прессы в качестве чуть ли не главного подстрекателя конфликта⁷². Сам же он впоследствии открыто писал относительно дебатов 3 мая, что лидеры лейбористской партии в последний момент “пресмыкались” перед правительством Болдуина и призывал всех рабочих лично ознакомиться со стенограммой “унизительных” выступлений в Палате общин Р. Макдональда и Дж. Томаса перед “врагами рабочего класса”⁷³.

4 мая 1926 г. в Англии началась всеобщая стачка, продолжавшаяся девять дней и охватившая рабочих железнодорожной, транспортной системы, сталелитейной промышленности и ряд других⁷⁴. Руководство ею взял на себя Генсовет БКТ. Лейбористская партия также формально выступила на стороне бастующих, однако в течение всех дней, по воспоминаниям одного из ее руководителей Дж. Клайнса, партийные лидеры старались воздерживаться от громких публичных выступлений. Не случайно впоследствии журнал “Нейшн энд атенеум” язвительно писал об очевидном дискомфорте, который Р. Макдональд испытывал во время забастовки⁷⁵. Кук подобного дискомфорта не ощущал. “Какой изумительный порыв! Какая верность!! Какое единение!!!” – писал он о первых днях майского противостояния на страницах своей известной брошюры “Девять дней”, посвященной событиям 1926 г. и вышедшей после завершения стачки⁷⁶. Учитывая, что среди бастующих были и типографские рабочие, обстановка в стране в те дни была действительно беспрецедентная. Издавалось всего две газеты. Одну из них “Бритиш уоркер” печатали профсоюзы, другую – “Бритиш газет” – правительство. «Разве кто-то сможет стереть из памяти впечатление от автомобилей с закрепленными на них пропусками “С разрешения конгресса тред-юнионов”? – вспоминал Кук дни всеобщей стачки, – ... повсюду царили уверенность, спокойствие и порядок, несмотря на то, что волонтеры, штрейкбрехеры и полицейские вызывали раздражение. Все рабочие действовали как единое целое»⁷⁷.

Однако тайные консультации с участием представителей БКТ и недавнего главы королевской комиссии Г. Сэмюэля относительно возможности скорейшего завершения конфликта имели место уже буквально через несколько дней после начала открытого противостояния горняков и шахтовладельцев⁷⁸. Принимая во внимание то, что официально правительство категорически отказалось возобновлять какой-либо диалог в условиях продолжающейся забастовки, утром 12 мая Генсовет объявил всеобщую стачку оконченной с тем, чтобы, “поиграв мускулами”, продолжить конструктивные переговоры в “мирных” условиях. Как писал журнал “Спектейтор”, все “завершилось неожиданно быстро”⁷⁹. С точки зрения Кука, решение Генсовета было продиктовано стремлением скорее закончить стачку “любой ценой” без каких-либо гарантий. Впрочем, его утверждение на страницах работы “Девять дней” о том, что еще несколько дней, и конфликт окончился бы победой рабочих⁸⁰, выглядит откровенной бравадой. Поражение стачки с самого начала было очевидным и неизбежным⁸¹. Сам Кук, прошедший в предыдущие годы через “черную пятницу”, вероятно, осознавал, что теперь, без поддержки других

⁷² См. редакторские комментарии на эту тему: Daily Herald, 29.IV.1926.

⁷³ Cook A.J. Op. cit., p. 14–15.

⁷⁴ О ходе событий подробнее см.: Гурович П.В. Указ. соч.; Мэррей Дж. Всеобщая стачка 1926 г. в Англии: Исторический очерк. М., 1954.

⁷⁵ Clynes J.R. Memoirs, 1924–1937. London, 1937, p. 81; Nation and Athenaeum, 1926, v. 40, № 1, p. 10.

⁷⁶ Cook A. Op. cit., p. 16.

⁷⁷ Ibid., p. 17.

⁷⁸ См., например: Thomas J. Op. cit., p. 106; Clegg H.A. Op. cit., p. 409. Об этом писал и сам Кук: Cook A.J. Op. cit., p. 18.

⁷⁹ Spectator, 1926, May, № 5107, p. 837.

⁸⁰ Cook A.J. Op. cit., p. 23.

⁸¹ См., например, работу британского исследователя Д. Маркуанда: Marquand D. Britain since 1918. The Strange Career of British Democracy. London, 2009, p. 91.

труд-юнионов, шахтеры немногого смогут добиться. Тем не менее горняки оказались не способны смириться с поражением в мае и профсоюз принял решение продолжить борьбу в одиночку.

На этом фоне 14 мая 1926 г. правительство Болдуина обратилось к шахтерам с просьбой согласиться на 10% снижение минимальной заработной платы, но одновременно предложило создать Национальное управление по заработной плате для того, чтобы следить за ее порайонным колебанием, установить контроль за слиянием предприятий угольной промышленности и ряд других мер. Данные условия были относительно более мягкими, нежели те, на которых изначально настаивали предприниматели. Однако стало очевидно, что правительство утратило интерес к ближайшей реорганизации угольной промышленности. В этих условиях 20 мая на конференции Федерации шахтеров предложения Болдуина были отвергнуты. Впрочем, план не приняли и шахтовладельцы, которые были как против слияния, так и против создания Национального управления по заработной плате⁸².

В по-прежнему накаленной обстановке не готовый к примирению Кук в частном порядке обратился к руководству ряда профсоюзов с просьбой проявить солидарность, но не добился желаемого. По мнению П. Дэвиса, в последующие долгие месяцы забастовки горняков он, тем не менее, сохранял определенную надежду на спонтанное выступление рядовых рабочих в поддержку его бастующего в одиночку профсоюза⁸³. В 1926 г. Федерация шахтеров начала выпускать еженедельник “Майнер”, ставший фактически рупором британских шахтеров. Тем временем тучи над Федерацией сгустились все сильнее. В середине июня 1926 г. кабинет Болдуина объявил о своем намерении установить в угольной промышленности 8-часовой рабочий день вместо 7-часового, на чем давно настаивали шахтовладельцы. В ответ Кук, выступая 15 июня на митинге, жестко заявил, что правительство напрасно надеется, будто бы плач голодных детей скоро выгонит горняков обратно на работу и заставит согласиться с неприемлемыми для них условиями труда⁸⁴.

В обстановке затягивавшегося противостояния Кук предпринял масштабное “пропагандистское турне” по шахтерским районам с целью поднятия “боевого” настроения, все реже появляясь в Лондоне. Социалист Д. Кирквуд писал: “Он носился по промышленным регионам как ураган”⁸⁵. В знак солидарности с рядовыми бастующими Кук отказался от зарплаты секретаря Федерации и, как вспоминал Ф. Брокуэй, “жил в поездах, путешествуя с одной шахты на другую и выступая на четырех-пяти митингах ежедневно”⁸⁶. Никогда еще в угольных районах не собирались такие толпы, отмечал другой современник. Люди, многие из которых даже не были шахтерами, пешком приходили его послушать, приезжали на велосипедах, автобусах, поездах. Как это ни парадоксально, пожалуй, можно согласиться с мнением П. Дэвиса, что, несмотря на драматизм событий, наступившее после поражения всеобщей стачки лето 1926 г. явилось пиком в карьере Кука. Его популярность в шахтерских регионах, продолжавших свое одинокое противостояние с углепромышленниками, была чрезвычайно велика⁸⁷.

В начале июля 1926 г., вопреки сопротивлению лейбористской партии, консервативный билль о 8-часовом рабочем дне стал законом, что вызвало резкие публичные нападки на правительство со стороны Кука⁸⁸. Проблема состояла еще и в том, что многие горняки, “гонимые голодом”, постепенно стали возвращаться на работу. Так, например, в Уорвикшире и Стаффордшире к середине июля на шахтах уже трудилось примерно 2500 человек, а 10 дней спустя – уже 7 тыс. от общей рабочей силы, составлявшей

⁸² Daily Herald, 21, 22.V.1926; *Davies P.* Op. cit., p. 103.

⁸³ *Davies P.* Op. cit., p. 105.

⁸⁴ Daily Herald, 16.VI.1926.

⁸⁵ *Kirkwood D.* Op. cit., p. 231.

⁸⁶ *Brockway F.* Op. cit., p. 193–194.

⁸⁷ *Davies P.* Op. cit., p. 108, 110.

⁸⁸ Daily Herald, 10, 12.VII.1926.

22 тыс. горняков. Наблюдая эту тенденцию, Кук поставил своей основной задачей остановить стихийное “штрейкбрехерство”. Выступая в конце июля в Уорвикшире, он безжалостно заявил, что “каждый, кто вернулся на работу, является не только штрейкбрехером, но и предателем своих собственных детей и Федерации шахтеров”. Пламенная агитация Кука, нацеленная на укрепление “боевого” духа, произвела феноменальный эффект. После его поездки по “неустойчивым” регионам уже к концу месяца количество работавших на шахтах сократилось всего до 1600 человек⁸⁹. Это было лишь временное явление. В целом тенденция возвращения горняков на работу в последующие месяцы, несмотря ни на что, будет нарастать.

Тем не менее неимоверная агитационная активность Генерального секретаря Федерации шахтеров, его бесконечные поездки по стране в эти долгие летние, осенние месяцы забастовки поражали воображение современников, а в глазах консервативного общественного мнения укрепляли его репутацию “революционного фанатика”, одержимого идеей свержения капитализма любой ценой, идущего на поводу у коммунистов и позволявшего чувствам довлеть над рациональной аргументацией. П. Дэвис в своей работе, посвященной Куку, впрочем, настаивает на том, что за рамками пропагандистской кампании 1926 г., в действительности, его герой все больше, в сравнении даже с Председателем Федерации Г. Смитом, изъявлял готовность к компромиссу⁹⁰. Возможно, это и так, однако Кук, несомненно, был заложником своего “публичного образа”, создававшегося в течение последних лет.

Лишь 3 сентября 1926 г. профсоюз горняков выразил согласие вступить в переговоры с предпринимателями относительно возможности снижения заработной платы при условии, что общенациональная схема заключения коллективного договора останется неприкасаемой. Однако Ассоциация углепромышленников, настаивавшая на переходе к порайонной системе договоров и поддерживаемая в этом правительством Болдуина, ответила отказом. В этой ситуации, как справедливо пишет П. Дэвис, Федерация шахтеров оказалась перед тяжелым выбором – полностью капитулировать, или продолжить противостояние. В итоге голосование, проведенное среди региональных профсоюзных организаций в первую неделю октября, выявило неготовность бастующих прекратить борьбу⁹¹. Кук с новыми силами продолжил свои пропагандистские поездки по угольным районам. Впрочем, напрашивается вывод, что, чем ближе становилось поражение, тем отчаяннее порой звучали его речи. Так, например, выступая на одном из митингов в конце октября, он пафосно заявил: капиталистическая пресса распространяет лживую информацию о скором завершении забастовки, но “мы знаем, что все еще не повержены... Мы ведем классовую войну в полном смысле этого слова”⁹². Большинство выступлений Кука тщательной фиксировались присутствовавшими в толпе полицейскими и по-прежнему вызывали немалое беспокойство у министерства внутренних дел.

Тем не менее, в условиях повсеместного, за исключением Южного Уэльса, “стихийного” возвращения рабочих обратно на шахты, час капитуляции неумолимо приближался. В результате в конце ноября 1926 г. семимесячная забастовка горняков была прекращена⁹³. За ней последовал переход к порайонной схеме заключения коллективных договоров, а также снижение заработной платы. “Земля ушла у нас из-под ног, – писал Кук в своем обращении, опубликованном на страницах прессы 29 ноября 1926 г., – но скоро все будет восстановлено”. Он объявил, что Федерация шахтеров быстро обретет былые силы, чтобы продолжить борьбу, покончить с 8-часовым рабочим днем и вернуться к общенациональной системе коллективного договора с работодателями⁹⁴. Однако, как покажут дальнейшие события, заявление Кука было слишком самонадеянным.

⁸⁹ *Davies P.* Op. cit., p. 117.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 118–122.

⁹¹ *Ibid.*, p. 123–127.

⁹² *Daily Herald*, 1.XI.1926.

⁹³ *Daily Herald*, 2.XII.1926.

⁹⁴ *Daily Herald*, 29.XI.1926.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ГЕРОЙ

Промышленный конфликт 1926 г. принято считать водоразделом в истории английского рабочего движения. Если до этого, в особенности после успеха “красной пятницы”, некоторым казалось, что тактика “прямого действия” имела перспективы, то теперь настроения большинства профсоюзных функционеров и рядовых членов были совсем иными. “Мы попробовали классовую войну в промышленности, – назидательно говорил весной 1927 г. один из руководителей лейбористской партии Ф. Сноуден. – Мы видим сегодня результаты этого – застой в заработной плате, более миллиона безработных, плачевное состояние торговли... является ли стачка, учитывая ее последствия, хорошей мерой? Это средство, к которому по беспечности можно прибегнуть, но влечет ли оно результаты и выгоды, соразмерные жертвам и цене борьбы?”⁹⁵. В июне 1927 г. Палатой общин в третьем чтении был одобрен Акт консерваторов о промышленных конфликтах и тред-юнионах, объявлявший незаконными всеобщие стачки, массовое пикетирование, а также усложнявший процедуру финансирования лейбористской партии за счет профсоюзных взносов⁹⁶.

Неудивительно, что в этих условиях профсоюзы в конце 20-х годов начали проявлять все больший интерес к поиску сотрудничества с работодателями. Яркой иллюстрацией этого явились переговоры группы влиятельных предпринимателей во главе с руководителем химического концерна А. Мондом с представителями Генсовета БКТ во главе с его новым председателем Б. Тернером, начавшиеся в январе 1928 г.⁹⁷ В их основе была идея взаимных консультаций промышленников и тред-юнионов с целью недопущения конфликтов, подобных 1926 г. Особое внимание уделялось обсуждению возможностей роста производительности труда за счет научно-технической рационализации производства.

Кук, еще летом 1927 г. избранный в Генеральный совет БКТ, в отличие от большинства профсоюзных чиновников, не принял эту политику. В подобной обстановке он в конце 20-х годов чувствовал себя все более изолированной фигурой среди высшего руководства тред-юнионов. Весной – летом 1928 г. были опубликованы два его памфлета – “Болтовня Монда” с подзаголовком «Мои аргументы против мирной “капитуляции”» и “Кандалы Монда”, в которых Генсовет был обвинен автором в утрате боевого настроения времен “красной пятницы” и предательстве истинных принципов и ценностей движения тред-юнионов⁹⁸.

Кук сообщал, что специально присутствовал на первой встрече Генсовета с Мондом 12 января 1928 г. с тем, чтобы “изобличить мотивы”, которыми руководствовались участники переговоров. В результате, по словам секретаря Федерации шахтеров, его гневная речь в адрес работодателей не раз прерывалась оскорбительными выкриками со стороны коллег – профсоюзных функционеров (Дж. Томаса, В. Торна, Ф. Бромляя и др.)⁹⁹. “Нельзя быть социалистом и одновременно помогать работодателям укреплять капитализм”, при этой системе ни при каких условиях не может быть хороших отношений между рабочими и предпринимателями, о которых мечтают участники переговоров, жестко заявлял Кук на страницах “антимондовских” памфлетов¹⁰⁰.

Еще одной интересной публикацией 1928 г. явился совместный Манифест Кука – Мэкстона, обнародованный в июне 1928 г. После поражения шахтеров в своей одинокой борьбе с руководством БКТ Кук нашел себе союзников в рядах левого крыла

⁹⁵ Daily Herald, 29.III.1927.

⁹⁶ Daily Herald, 24.VI.1927.

⁹⁷ Daily Herald, 13.I.1928.

⁹⁸ Cook A.J. The Mond Moonshine. My Case Against the Peace “Surrender”. London, 1928; *idem*. Mond’s Manacles. The Destruction of Trade Unionism. Being the Sequel of Mond Moonshine. London, 1928. См. также “антимондовские” карикатуры на страницах шахтерского издания “Майнер”: Miner, 1928, № 85, p. 1; № 86, p. 1.

⁹⁹ Cook A.J. The Mond Moonshine, p. 6–7.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 11; Cook A.J. Mond’s Manacles, p. 9.

лейбористов, чьи представители были сконцентрированы в Независимой рабочей партии, возглавляемой с 1926 г. Дж. Мэкстоном¹⁰¹. Наряду с поиском “мира в промышленности”, новые соратники Кука были возмущены явным сдвигом в политике лейбористской партии, после правительственного опыта 1924 г. эволюционировавшей вправо и стремившейся в своей пропагандистской деятельности и официальных программных документах все больше апеллировать к нерабочему электорату. Объективно это было необходимо Макдональду для завоевания новых смешанных по своему социальному составу избирательных округов и соответственно новых парламентских мест¹⁰². В Манифесте, а также в брошюре Кука – Мэкстона “Наши доводы в пользу социалистического возрождения”, вышедшей в том же 1928 г., во-первых, резкой критике была подвергнута попытка Макдональда, с точки зрения авторов, выхолостить классовое содержание лейбористского движения, а во-вторых, разоблачалась все та же примиренческая позиция тред-юнионов, вступивших в “мондистский союз” со своими собственными капиталистами¹⁰³.

По свидетельству члена НРП Ф. Брокуэя, истинным вдохновителем кампании Кука – Мэкстона в действительности был оставшийся в тени бывший министр здравоохранения первого кабинета Макдональда левый лейборист Дж. Уитли¹⁰⁴. В любом случае, с июня по сентябрь 1928 г. в ее рамках, в том числе с участием Кука, состоялись митинги в различных городах Великобритании. Впрочем, в условиях очевидного спада левых настроений в профсоюзном движении в конце 20-х годов, а также принимая во внимание то, что Макдональд держал свою партию под контролем и в те годы пользовался большим авторитетом среди рабочих, протестные мероприятия не принесли ожидаемых плодов. На ежегодном конгрессе тред-юнионов, проходившем осенью 1928 г., Кук предпринял еще одну отчаянную попытку разоблачить переговоры Монда – Тернера, однако в связи с плохим состоянием здоровья его выступление было сбивчивым. Подавляющим большинством голосов конгресс одобрил политику Б. Тернера, нацеленную на сотрудничество с предпринимателями. Наглядным подтверждением того, что Кук становился все большим изгоем даже в родном ему профсоюзе явилось и то, что против его позиции на конгрессе 1928 г. выступил его бывший соратник, председатель Федерации шахтеров Г. Смит¹⁰⁵.

Пожалуй, оппозиция переговорам Монда – Тернера явилась последним заметным шагом Артура Кука, подтверждавшим и оправдывавшим его репутацию не готового к компромиссам левого, неукротимого профсоюзного “вождя”. В действительности драматические события 1926 г., возможно не сразу, но, в конечном счете, отразились и на эволюции его взглядов. По мере приближения к очередным парламентским выборам 1929 г. Кук, неожиданно для многих, начал проповедовать исключительно парламентские методы отстаивания рабочих интересов в противовес близкой его сердцу тактике “прямого действия”. К разочарованию коммунистов, на протяжении ряда лет видевших в неистовом секретаре шахтерской Федерации “своего” человека, он буквально на глазах из протестного лидера по сути превратился в пропагандиста лейбористской партии, возглавляемой критикуемыми им еще недавно Р. Макдональдом, Ф. Сноуденом, Дж. Клайнсом, Дж. Томасом, людьми, по его словам, не способными предложить шахтерам “ничего, кроме политики подчинения работодателям”¹⁰⁶.

¹⁰¹ См. подробнее: *Суслопарова Е.А.* Джеймс Мэкстон (1885–1946) – лидер Независимой рабочей партии Великобритании. – Новая и новейшая история, 2012, № 5.

¹⁰² См. подробнее: *Суслопарова Е.А.* Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века. М., 2007.

¹⁰³ *Daily Herald*, 21.VI.1928; *Cook A.J., Maxton J.* Our Case for a Socialist Revival. London, 1928, p. 10.

¹⁰⁴ *Brockway F.* Op. cit., p. 194–195.

¹⁰⁵ *Daily Herald*, 7.IX.1928; Report of Proceedings at the 60-th Annual Trades Union Congress. London, 1928, p. 434–439, 452.

¹⁰⁶ *Cook A.J.* Is it Peace? London, 1926, p. 7.

Яркой иллюстрацией этого явился опубликованный в марте 1929 г. на страницах издания “Майнер” призыв Кука к рабочим сделать все для победы лейбористской партии на следующих выборах¹⁰⁷. Более того, Кук даже согласился лично выступить в поддержку Макдональда в шахтерском избирательном округе Сихэм, от которого тот впервые баллотировался в ходе предвыборной кампании 1929 г. и чьим соперником от компартии являлся Г. Поллитт. Предвыборная листовка коммуниста гласила, что самым опасным врагом рабочих является именно лейбористская партия¹⁰⁸. Наконец, еще одним наглядным свидетельством эволюции взглядов Кука явилось то, что после победы лейбористов на выборах он восстановил свое членство в Независимой рабочей партии, из которой вышел 16 лет назад еще до Первой мировой войны¹⁰⁹.

Пожалуй, можно выделить две причины подобной трансформации. Во-первых, Кук, зная состояние дел в своем родном профсоюзе, прекрасно понимал, что еще одна общенациональная шахтерская забастовка в ближайшей перспективе нереальна и в лучшем случае тяжелейшим образом ударит по карману самих рабочих. Он был вынужден рассматривать иные варианты решения проблем отрасли, например, поражение консерваторов на следующих выборах. Во-вторых, к концу 20-х – началу 30-х годов Кук был уже серьезно болен. Не исключено, что резкое ухудшение здоровья также в значительной мере ослабило “боевой” дух профсоюзного “вождя”.

Второе лейбористское правительство Макдональда, сформированное по результатам майских выборов 1929 г., несмотря на рост поданных за него голосов, по-прежнему не располагало абсолютным парламентским большинством. Учитывая, что в предвыборном манифесте содержалось обещание национализировать угольную промышленность только при наличии абсолютного лейбористского большинства¹¹⁰, к коренной реорганизации отрасли кабинет так и не приступил. Тем не менее новым правительством все же были сделаны определенные уступки в пользу шахтеров. Летом 1930 г. был принят закон, введивший 7,5-часовой рабочий день в угольной промышленности вместо 8-часового, установленного консервативным правительством Болдуина¹¹¹. Хотя это разочаровало многих рабочих, надеявшихся на возвращение к 7-часовому рабочему дню, в любом случае, как писал биограф Кука, стиль руководства секретаря шахтерской Федерации в этот период был весьма умеренным и прагматичным¹¹².

Впрочем, определенные отголоски “старого” Кука все же дали о себе знать и в начале 30-х годов. Наряду с другими европейскими странами, на Англию неумолимо надвигался мировой экономический кризис, сопровождавшийся падением производства и резким ростом безработицы. К концу 1930 г. количество безработного населения насчитывало уже 2,5 млн. человек¹¹³. На этом фоне лейбористский кабинет Макдональда, как и многие другие правительства того времени, во многом находился в состоянии растерянности, не находя адекватных средств борьбы с навалившимися проблемами. В начале 1930 г. с резкой критикой бездействия правительства выступил тогда еще лейборист, канцлер герцогства Ланкастерского и будущий лидер Британского союза фашистов О. Мосли, близко знакомый с Куком еще со времен всеобщей стачки 1926 г. Он представил членам кабинета так называемый “Меморандум”, включавший в себя введение протекционистских тарифов, контроль над банковской политикой, значительное увеличение государственных расходов на социальные выплаты и пособия с тем,

¹⁰⁷ *Davies P.* Op. cit., p. 163.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 168; *Arnot P.* The Miners: Years of Struggle, p. 540–541; Daily Herald, 9.V.1928. См. предвыборную листовку Г. Поллитта: Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 495, оп. 100, д. 635, л. 1.

¹⁰⁹ *Davies P.* Op. cit., p. 168.

¹¹⁰ *British General Election Manifestos 1918–1966.* Chichester, 1970, p. 57.

¹¹¹ *The Annual Register. The Review of Public Events at Home and Abroad for the year 1930.* London, 1931, p. 10, 58.

¹¹² *Davies P.* Op. cit., p. 172.

¹¹³ *Cole G.D.H.* Op. cit., p. 234.

чтобы поощрить ранний выход рабочих на пенсию и ряд других мер¹¹⁴. Эти предложения были отвергнуты правительством Макдональда. Тогда в декабре 1930 г. Мосли обнародовал еще один документ – “Манифест”, выдержанный в русле тех же идей. На этот раз он был подписан 17 лейбористами-парламентариями, а также Куком¹¹⁵. Тем самым секретарь Федерации шахтеров однозначно выразил свою неудовлетворенность действиями правительства.

Еще одним подтверждением того, что Кук, будучи больным человеком, все же не до конца растерял свой “боевой” настрой в начале 30-х годов, явилось его письмо Макдональду в связи с забастовкой горняков Южного Уэльса в 1931 г. “Лейбористское правительство только расточает обещания, но ничего не делает, – с возмущением писал он Макдональду, – многим из нас это не позволит поддерживать его в дальнейшем”. Впрочем, комментарий Макдональда, явно навеянный событиями 1926 г., о том, что он “сыт по горло” необдуманными действиями “некоторых” профсоюзных функционеров, красноречиво характеризует по-прежнему непростые отношения лидера лейбористской партии и секретаря Федерации шахтеров¹¹⁶.

В июле 1931 г. на страницах “Лейбор мэгезин” Кук опубликовал свою последнюю статью о проблемах горнодобывающей отрасли. В ней он с грустью констатировал, что угольная промышленность, несмотря на принесенные ею после 1926 г. бесчисленные жертвы, никогда еще не находилась в таком плачевном состоянии¹¹⁷. При жизни Кука руководимая им ослабленная Федерация так и не обрела былой силы после событий середины 20-х годов, и он прекрасно это осознавал. Сам герой промышленного конфликта 1926 г. скончался 2 ноября 1931 г.

* * *

В результате поражения 1926 г. Федерация шахтеров утратила свою мощь по меньшей мере на ближайшее десятилетие. Финансовые фонды были полностью исчерпаны, что ставило жирный крест на возможной угрозе масштабной забастовкой в дальнейшем. Порайонная система заключения коллективных договоров нивелировала значение Федерации как главного центра ведения переговоров с работодателями. Пожалуй, самым главным было то, что начало резко сокращаться ее членство. Многие горняки, напуганные безработицей и опасностью увольнения, на время отвернулись от профсоюза¹¹⁸. Если объективно сравнить состояние этой организации на тот момент, когда Кук занял пост ее Генерального секретаря в 1924 г. со временем его расставания с ней в 1931 г., напрашивается вывод о том, что в конечном счете его руководство, пришедшее на самые драматичные в истории угольной отрасли годы, оказалось во многом деструктивным. В 1924 г. он встал у руля одной из сильнейших профсоюзных организаций страны, от бывшего величия которой в начале 30-х годов почти не осталось следа. В 30-е годы, уже после смерти Кука, его многолетний “антагонист”, профсоюзный функционер Дж. Томас, писал, что всегда считал Артура не более чем “революционным мечтателем”¹¹⁹.

В литературе высказывается точка зрения, что Кук в середине 20-х годов в определенной мере “заигрался” в борьбу, не сумев вовремя остановить себя и своих сторонников. «Будь он человеком более жестким..., более эгоистичным и “толстокожим”, возможно, ему следовало раньше заявить горнякам, что их ждет неизбежное поражение со всеми вытекающими отсюда последствиями, – пишет П. Дэвис. – Некоторые скажут, что ему просто не хватило храбрости для подобного жесткого поступка. Я же полагаю,

¹¹⁴ Brand C. The British Labour Party. A Short History. Stanford, 1964, p. 150.

¹¹⁵ Skidelsky R. Oswald Mosley. New York, 1975, p. 239.

¹¹⁶ Davies P. Op. cit., p. 178–179.

¹¹⁷ Labour Magazine, 1931, v. X, № 3, p. 104.

¹¹⁸ Davies P. Op. cit., p. 135–136.

¹¹⁹ Thomas J. Op. cit., p. 96.

что свойственное ему человеколюбие было как ключевой чертой его характера, так одновременно и его “Ахиллесовой пятой” 1926 г.»¹²⁰

Впрочем, едва ли рост левых настроений в шахтерских регионах, приведший к конфликту 1926 г. и поражению профсоюза горняков, следует списывать только и исключительно на Кука. Проблемы в угольной отрасли назревали на протяжении многих лет и даже десятилетий. Доходы, которые Англия традиционно получала от международных финансовых операций, зарубежных инвестиций, а также фрахтовых перевозок, так называемый “невидимый экспорт”, позволяли ей долгое время пренебрегать модернизацией промышленности, в особенности старых отраслей. Негативные результаты этой политики дали о себе знать после Первой мировой войны. Рабочие угольной отрасли фактически были обречены на низкую заработную плату и неудовлетворительные условия труда, ставшие источником их неизменного недовольства в 20-е годы.

Если бы Генеральным секретарем шахтерского тред-юниона в те годы был чиновник, склонный к уступкам и способный убедить в своей правоте явно эволюционировавший влево профсоюз, события середины 20-х годов, возможно, могли бы иметь менее драматичный характер. Левые эмоциональные речи Кука, с азартом подливавшего масло в огонь уже тлеющего костра, без сомнения, лишь подогревали конфликт 1926 г., настраивали значительную часть общественного мнения, в том числе некоторых умеренных сторонников лейбористской партии и профсоюзных функционеров, против шахтеров. Тем не менее популярность Кука среди горняков делает неизбежным вывод о том, что “герой” и благодатная для него среда совпали в эти годы уникальным образом.

Корректировка взглядов Артура Кука от довоенного синдикализма, веры в тактику “прямого действия”, кульминацией которой явились события 1926 г., в сторону неожиданной ревностной поддержки правого лидера лейбористской партии в ходе предвыборной кампании 1929 г. едва ли шла “из глубины сердца”. Очевидно, что помощь в возвращении к власти хотя бы на словах более лояльного к шахтерам правительства лейбористов, пусть даже во главе с Макдональдом, оказалась всего-навсего единственным оставшимся после 1926 г. средством в арсенале “поверженного героя”. Поздняя переписка с Макдональдом и поддержка “Манифеста” Мосли в полной мере демонстрируют, что настоящего “примирения” так и не наступило. П. Дэвис, сравнивая Кука с такими профсоюзными руководителями, как Э. Бивен и А. Хорнер, во многом справедливо пишет о том, что он был скорее “человеком, движимым инстинктами, нежели идеологией”¹²¹. Представляется, что не столько внезапно возникшая симпатия к правым лейбористам, сколько ощущение собственной слабости и “инстинкт” спасения Федерации перед смертью толкнули Кука к этому тактическому шагу в поддержку Макдональда и его команды на рубеже 20-х–30-х годов.

¹²⁰ *Davies P.* Op. cit., p. 139.

¹²¹ *Ibid.*, p. 192.